

Е. Б. Шевченко

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ С ОРУЖИЕМ НА ПРИМЕРЕ САРМАТСКОГО МОГИЛЬНИКА НОВЫЙ

В статье предлагается универсальная методика исследования женских погребений с оружием у кочевников. Методика основывается на сравнительном анализе женских погребений содержащих оружие с контрольной группой, в качестве которой выступают синхронные мужские погребения соответствующего могильника. Сравнительный анализ проводится по следующим признакам: набор оружия, тип каждого отдельного предмета вооружения, а также место фиксации. Если большинство признаков совпадают, то женское погребение признается воинским (утилитарная функция). Если же преимущественно выявляются отклонения, то семантика оружия признается ритуальной.

Ключевые слова: женщины, оружие, сарматы, методика, контрольная группа, семантика, ритуальная, утилитарная.

Статьи, посвященные изучению женских погребений с оружием, всегда были уязвимы для критики. Дело здесь не только в методике исследования данных комплексов, а и в личном отношении каждого автора. Как правило, то, или иное женское погребение с оружием признавалось воинским, лишь по наличию оружия, независимо от его количества и качества. Основы предлагаемой здесь методики были заложены в совместной работе Т. В. Богаченко и В. Е. Максименко (Богаченко, Максименко 2008). Исследователи отмечали несколько ключевых аспектов, на которые следует обращать внимание: достоверность определения пола погребенного; семантика оружия в женском погребении; количество и качество оружия; место его фиксации (Богаченко, Максименко 2008, с. 50).

Для любых социальных реконструкций в кочевой среде благодатным материалом всегда

выступали крупные некрополи. Не является исключением и изучение женских погребений содержащих оружие (Яценко, Вдовченков 2015, с. 177). Весьма показателен в этом отношении нижнедонский могильник Новый¹. Могильник был почти полностью раскопан и в скором времени опубликован. Благосклонность судьбы видится еще и в том, что скелеты из могильника Новый дважды изучались антропологом² (Ильюков, Власкин 1992; Батиева 2011).

Монография Л. С. Ильюкова и М. В. Власкина является классическим образцом введения в научный оборот могильника с такими особенностями. Наличие предметов вооружения в женских погребениях упоминается лишь в контексте анализа оружия в целом (Илью-

1. Могильник находится на Нижнем Дону в междуречье Сала и Маныча. Раскопан был в 1981—1982 гг. при строительстве Мартыновской оросительной системы. Всего в могильнике зафиксировано 175 курганов, из которых раскопано было 137. Сарматскими были признаны 211 погребений.
2. Во время раскопок 1981—1982 гг. антропологические исследования проводила Е. Ф. Батиева. Спустя 30 лет в 2011 г. вышла ее обобщающая монография, в которой данные из могильника Новый вновь подверглись анализу (Батиева 2011, с. 100—102). В более позднем исследовании возраст большинства женщин был пересмотрен в сторону увеличения. Интересно отметить, что и в ранней работе и в обобщающей публикации в ряде женских погребениях с оружием, пол погребенной был определен неуверенно (здесь и далее цифра перед дробью означает № кургана, после № погребения) 14/1; 21/1; 92/2; 95/2). Показательно, что погребение 129/7 определенное при публикации как мужское, в монографии, правда, с оговоркой, было названо женским (Ильюков, Власкин 1992, с. 135; Батиева 2011, с. 100—102).

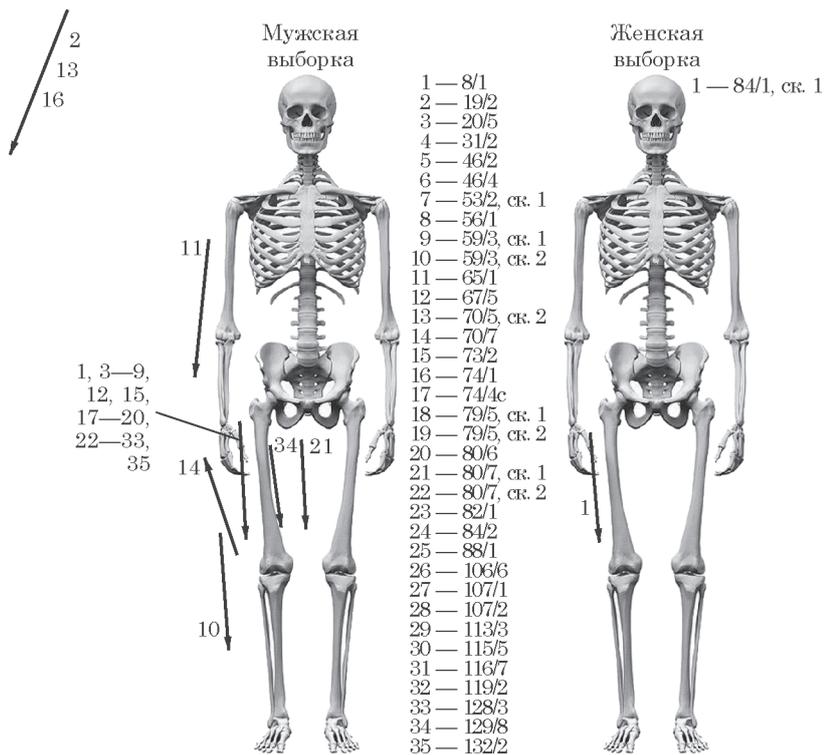


Рис. 1. Место фиксации мечей для мужской и женской выборки

ков, Власкин 1992, с. 204, 205). Погребальный обряд, безусловно, является ритуальным действием и не вызывает сомнений сакральная функция каждого отдельного предмета положенного в могилу. Тем не менее, именно для женского погребения всегда интересно попытаться определить семантику оружия.

Многие согласятся, что полноценное изучение женских погребений с оружием, на сегодняшний день, возможно, лишь в тех комплексах, где пол скелета был определен антропологами или генетиками. К сожалению, генетический анализ в наших реалиях является редким, малодоступным инструментом. Поэтому антропологический анализ, несмотря на возможные погрешности, представляется весомой альтернативой определения пола погребенного по инвентарю. Последний способ с течением времени и развитием науки был окончательно скомпрометирован. Ярким примером доказательства ошибки классиков сарматологии, оказалась история изучения костяных ложечек (Смирнов 1964, с. 202; Кадырбаев, Курманкулов 1976, с. 155; Пшеничнюк 1983, с. 63; Ильюков, Лукьяшко 1994; Федоров, Васильев 1998, с. 75; Мышкин 2001, с. 147; Стрижак 2007; Федоров 2010, с. 380; 2011).

Видится перспективным рассматривать женские погребения с оружием с целью определения, насколько значительны в этом аспекте отклонения от среднестатистического погребения контрольной группы. Сам по себе подход не является новым, варианты похожих методик давно известны в археологической литературе (Лебедев 1973;

Добролюбский 1980; 1982; Алексин 1986; Цимиданов 1995). В качестве контрольной группы имеет смысл брать синхронные мужские погребения соответствующего могильника.

Признаки, по которым проводится сравнительный анализ с контрольной группой.

1) Определяется набор оружия характерный как для мужчин, так и для женщин. Выявляются общие черты и особенности.

2) Проводится типологический анализ каждого предмета вооружения. Практика исследования сарматских погребений показала, что в женских погребениях нередко могут встречаться архаические предметы вооружения.

3) Отдельно осуществляется анализ места фиксации оружия. Для этого составляется графическая схема.

Дополнительным признаком является анализ вещей находящихся рядом с оружием.

В подобной тщательной проработке нуждается каждый отдельный предмет вооружения как в контрольной группе, так и в женских погребениях соответственно.

По мере семиотичности определяются две группы оружия. Если два пункта из трех уверенно соответствуют мужским комплексам, то женское погребение следует признать воинским. То есть, оружие в подобных случаях было положено возле умершей женщины как утилитарное. Это свидетельствует, что нет оснований сомневаться в том, что при жизни женщина была воином. Если же из трех пунктов аналогии есть лишь по одному, или их нет вовсе, то следует признать, что оружие в данное женское погребение было помещено с функцией ритуальной.

Как показывает практика, в одном комплексе женщину могло сопровождать оружие как утилитарной, так и ритуальной функции одновременно. Кроме того, попадаются комплексы, в которых уверенно отнести оружие к утилитарной или ритуальной функции невозможно. Такие погребения признаются спорными и учитываются лишь во время общих подсчетов.

Для демонстрации методики, были взяты погребения могильника Новый, относящиеся к раннему периоду среднего этапа сарматской культуры. Всего 142 комплекса (табл. 1). Для получения более достоверных выводов, рекомендуется исключить нарушенные или ограбленные могилы. Коллективные погребения, где невозможно точно определить, кому из погребенных принадлежал конкретный предмет,

Таблица 1. Погребения вошедшие в выборку. Состав оружия

Погребение	Половозрастной состав	Меч	Кинжал	Колчан	Копье	Наконечники стрел	Погребение	Половозрастной состав	Меч	Кинжал	Колчан	Копье	Наконечники стрел
8/1	♂ (20—25)	+	—	—	—	70+	86/1	♀ (25—30)	—	—	—	—	—
14/2, ск. 1	♀ (35—40)	—	—	—	—	—	87/1	♀ (ст. 20)	—	—	—	—	—
14/2, ск. 2	Р (младенец)	—	—	—	—	—	88/1	♂ (ст. 30)	+	—	—	—	20+
19/2	♂ (50—60)	+	—	—	—	1+	88/2, ск. 1	♂ (25—30)	+	—	—	—	8+
20/5	♂ (35—40)	+	—	—	—	—	88/2, ск. 2	Р (5—6)	—	—	—	—	—
26/2	♂ (20—25)	—	—	—	—	3+	88/4	? (25—30)	+	—	—	—	19+
31/2	♂ (30—35)	+	—	—	—	—	92/2	♀? (25—30)	—	—	—	—	31+
31/3, ск. 1	Р (4—5)	—	—	—	—	—	95/1	♂ (35—40)	—	—	—	—	1+
31/3, ск. 2	П (13—15)	+	—	—	—	17+	96/1	♀ (ст. 50)	—	—	—	—	—
31/3, ск. 3	Р (9—10)	—	—	—	—	—	100/1	Р (2—3)	—	—	—	—	—
46/1	♂? (35—40)	—	—	—	—	—	100/2	Р (4—5)	—	—	—	—	—
46/2	♂ (30—35)	+	—	—	—	1+	106/1	♀ (ст. 30)	—	—	—	—	—
46/3	♀ (ст. 30)	—	—	—	—	—	106/3	Р (5—6)	—	—	—	—	—
53/2, ск. 1	♂ (20—25)	+	—	—	—	70+	106/6	♂ (30—35)	+	—	—	—	—
53/2, ск. 2	П (16—18)	—	—	—	—	—	106/7, ск. 1	? (20—25)	+	—	—	—	—
56/1	♂ (25—30)	+	—	—	—	18+	106/7, ск. 2	Р (5—6)	—	—	—	—	—
58/1	Р (4—5)	—	—	—	—	—	106/7, ск. 3	Р (5—6)	—	—	—	—	23+
58/2, ск. 1	♀ (35—40)	—	—	—	—	—	107/1	♂ (16—18)	+	—	—	—	—
58/2, ск. 2	Р (до 1)	—	—	—	—	—	107/2	♂? (25—35)	+	—	—	—	65+
58/3	♀ (35—40)	—	—	—	—	—	110/4	♀ (30—35)	—	—	—	—	—
59/1	Р (6—10)	—	—	—	—	—	113/1	Р (4—5)	—	—	—	—	—
59/3, ск. 1	♂ (18—20)	+	—	—	—	118+	113/3	♂ (25—30)	+	—	—	—	3+
59/3, ск. 2	♂ (18—20)	+	—	+	—	87+	114/8	Р (2—3)	—	—	—	—	—
61/1	♂ (40—45)	—	—	—	—	—	115/1	Р (6—7)	—	—	—	—	—
63/2	? (ст. 30)	—	—	—	—	—	115/4, ск. 2	Р (4—5)	—	—	—	—	—
64/4	Р (8—10)	—	—	—	—	—	115/5	♂ (30—35)	+	—	—	—	—
64/5	♂ (50—60)	—	—	—	—	—	115/9	♀ (16—18)	—	—	—	—	—
65/1	♂ (ст. 25)	+	—	—	+	40+	116/6	Р	—	—	—	—	—
67/5	♂? (16—18)	+	—	—	—	41+	116/7	♂ (18—20)	+	—	—	—	1+
70/7	♂ (20—25)	+	—	—	—	—	119/1	♂ (18—20)	—	—	—	—	—
73/2	♂ (35—40)	+	—	—	—	18+	119/2	♂ (25—30)	+	—	—	—	35+
74/2	♂ (45—50)	—	—	—	—	57+	121/3	♂ (20—25)	2+	—	—	—	—
74/3	♀ (50—60)	—	—	—	—	—	128/1	♀ (50—60)	—	—	—	—	—
74/4с	♂ (20—25)	+	—	—	—	50+	128/2	Р (6—7)	—	—	—	—	—
74/4ю., ск. 1	♀ (18—20)	—	+	—	—	23+	128/3	♂ (35—40)	+	—	—	—	—
74/4ю., ск. 2	Р (младенец)	—	—	—	—	—	129/8	♂ (25—30)	+	—	—	—	—
74/4ю., ск. 3	Р (младенец)	—	—	—	—	—	130/5	Р (4—5)	—	—	—	—	—
75/2	? (25—30)	+	—	—	—	73+	130/6	♂ (ст. 50)	—	—	—	—	—
79/5, ск. 1	♂ (18—20)	+	—	—	—	86+	130/8	Р (4—6)	—	—	—	—	—
79/5, ск. 2	♂ (25—30)	+	—	—	—	69+	130/11, ск. 1	♀ (40—50)	—	—	—	—	—
80/6	♂ (25—30)	+	—	—	—	11+	130/11, ск. 2	Р (4—6)	—	—	—	—	—
80/7, ск. 1	♂ (20—25)	+	—	+	—	100+	132/2	♂ (50—60)	+	—	—	—	—
80/7, ск. 2	♂ (25—30)	+	—	—	—	90+	132/3	Р (5—6)	—	—	—	—	—
82/1	♂ (20)	+	—	—	—	8+	132/5, ск. 1	♀ (40—50)	—	—	—	—	—
83/2	♀ (20—25)	—	—	—	—	—	132/5, ск. 2	Р (младенец)	—	—	—	—	—
83/3	♀ (45—50)	—	—	—	—	—	132/19	♀ (18—20)	—	—	—	—	—
84/1, ск. 1	♀ (20—25)	+	—	—	—	—	132/24	Р (6—7)	—	—	—	—	—
84/1, ск. 2	Р (младенец)	—	—	—	—	—	134/1	♀ (18—20)	—	—	—	—	—
85/2	♀ (16—18)	—	—	—	—	—	134/2	♀ (35—40)	—	—	—	—	—
85/3	? (ст. 20)	—	—	—	—	—	Всего	99	39	1	2	1	32

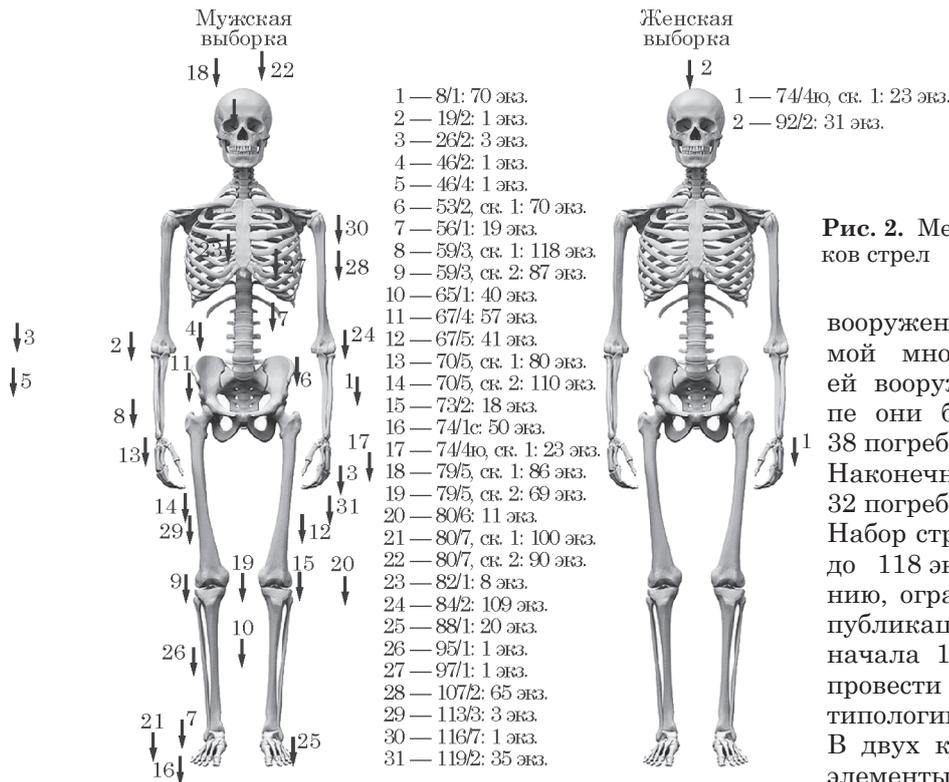


Рис. 2. Место фиксации наконечников стрел

вооружения. Мечи являются самой многочисленной категорией вооружения, в данной группе они были зафиксированы в 38 погребениях (121/3 два меча). Наконечники стрел найдены в 32 погребальных комплексах. Набор стрел составляет от одного до 118 экземпляров. К сожалению, ограниченные возможности публикации могильника Новый начала 1990-х гг., не позволили провести сравнительный анализ типологии наконечников стрел. В двух комплексах сохранились элементы колчана. Кинжал был зафиксирован лишь в одном по-

также исключаются из основного исследования. Таких погребений в могильнике Новый выявилось 57. Среди исключенных комплексов, интересно погребение 22/1. В публикации 1992 г. пол погребенного был определен как мужчина 35—40 лет, а в монографии 2011 г. Е. Ф. Батиева определила костяк как женщину старше 20 лет (Батиева 2011, с. 100). При таком разночтении антрополога, в ограбленной могиле был найден пучок наконечников стрел (25 шт.), осколки меча с кольцевым навершием и фрагменты двух ножей (Ильюков, Власкин 1992, с. 49). Ряд захоронений женщин с детьми, в которых невозможно разделить погребальный инвентарь между матерью и ребенком, также пришлось исключить (17/1; 61/3; 75/1; 91/1). В этих комплексах были зафиксированы предметы вооружения. В таких случаях нельзя утверждать, что перед нами погребение женщины-воина, так как оружие могло принадлежать и ребенку. В могильнике Новый оружие в детских погребениях встречается, хотя и в единичных случаях (106/7, ск. 3).

Индивидуальный состав погребального инвентаря удалось определить для 99 скелетов. В отдельные группы следует вывести мужчин, женщин, подростков (с 10 до 16), детей (до 10 лет) а также скелеты, пол которых определен не был. Половозрастной состав: мужчины — 41, женщины — 23, подростки — 2, дети — 28 и пол 5 погребенных определить не удалось. Интересно отметить, что женщин почти в два раза меньше чем мужчин.

Для понимания отдельных моментов, рекомендуется делать общую характеристику

ребенки. Также редким видом вооружения, в данной группе, оказалось копьё — одно погребение (табл. 1).

Среди женских погребений попавших в выборку, оружие было зафиксировано в трех (табл. 1).

Различный набор оружия был учтен для 44 погребенных. Предметы вооружения, сопровождали 37 мужчин, трех женщин, одного подростка и одного ребенка, пол трех погребенных определить не удалось (табл. 1). Набор оружия в мужских погребениях преимущественно состоял из меча и наконечников стрел в количестве от одного до 118 экземпляров (21 погребение). Одиннадцать мужчин сопровождали только мечи. Возле семи — оружия не было вовсе. Только наконечники стрел в количестве от одного до 57 экземпляров сопровождали трех мужчин. Редким набором вооружения являются меч, кинжал и наконечники стрел (1 погребение). Также лишь одного мужчину сопровождало копьё, меч и наконечники стрел. Мужские и женские группы были разделены по возрасту. Это позволило отметить, что наибольшее количество мужских погребений без оружия, было учтено в старшей возрастной группе (от 35 до 60 лет). У женщин достигших такого возраста оружие отсутствует.

Состав оружия в женских погребениях не отличается унификацией. Только наконечники стрел (92/2), лишь меч (84/1, ск. 1) и в захоронении самой молодой женщины был зафиксирован кинжал и наконечники стрел (74/4ю, ск. 1).

Новый 74/4ю, ск. 1. Прямоугольная яма с двумя подбоями. В южном подбое находилось

захоронение трех человек, женщины 18—20 лет и двоих детей не старше 6 месяцев (Ильюков, Власкин 1992, с. 87). Погребальный инвентарь четко разделяется между костяками. Вдоль правого бедра женского скелета находился кинжал без перекрестья и навершия, на конце штыря расположена заклепка, удерживавшая деревянные обкладки рукояти, конец клинка скруглен, кинжал был в деревянных ножнах, выкрашенных в красный цвет, рукоятью он был повернут к стопе (Ильюков, Власкин 1992, рис. 22: 8). В данной выборке, кинжалы были зафиксированы еще в трех комплексах, которые, к сожалению, оказались ограбленными. Поэтому провести сравнительный анализ с контрольной группой по месту фиксации, не представляется возможным. Тем не менее, можно отметить, что в мужской группе среди закрытых комплексов встречается такое расположение мечей (70/7). Типологический анализ, из-за плохой сохранности всех кинжалов, осуществить также не удалось.

У левой кисти женщины находились наконечники стрел (23 шт.), часть древка ниже наконечников была покрыта красной краской (Ильюков, Власкин 1992, рис. 22: 15). Наконечники стрел были зафиксированы в 33 комплексах попавших в выборку. В контрольной группе такое расположение стрел встречается (рис. 2).

Набор вооружения, состоящий из кинжала и наконечников стрел, в контрольной группе зафиксирован не был. Таким образом, из-за ряда причин, интерпретация оружия в данном комплексе видится спорной.

Новый 84/1, ск. 1. В прямоугольной яме была похоронена женщина 20—25 лет. Около правого колена лежал череп новорожденного ребенка (Ильюков, Власкин 1992, с. 100). Вдоль правого бедра женщины лежал меч с прямым перекрестьем и кольцевым навершием, клинок фрагментирован. В контрольной выборке мечи в таком положении были зафиксированы для убедительного большинства мужских комплексов (рис. 1). Набор оружия, состоящий только из меча, находит многочис-

Таблица 2. Типология мечей

Погребение	Половозрастной состав	Навершие	Перекрестье	Примечания
8/1	♂ (20—25)	кольцевое	прямое	Клинок в деревянных ножнах красного цвета
19/2	♂ (50—60)	?	?	Расслоившиеся фрагменты клинка меча
20/5	♂ (35—40)	серповидное	прямое	В деревянных ножнах, имеющих рельефный клапан для крепления португальского ремня. В верхней части ножны стянуты железной скобой
31/2	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	Клинок сломан пополам
46/2	♂ (30—35)	кольцевое	прямое	—
46/4	♂ (45—50)	кольцевое	прямое	—
53/2, ск. 1	♂ (20—25)	кольцевое	без	—
56/1	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	Около деревянных ножен — железная пластинка (скоба?)
59/3, ск. 1	♂ (18—20)	кольцевое	прямое	—
59/3, ск. 2	♂ (18—20)	кольцевое	прямое	—
65/1	♂ (ст. 25)	кольцевое	прямое	—
67/5	♂? (16—18)	кольцевое	прямое	—
70/5, ск. 2	♂ (18—20)	—	прямое	Рукоять сохранилась не полностью
70/7	♂ (20—25)	кольцевое	прямое	Клинок в двух местах согнут
73/2	♂ (35—40)	кольцевое	прямое	—
74/1	♂ (ст. 25)	кольцевое	?	Во фрагментах
74/4с	♂ (20—25)	без	без	Штырь рукояти имеет отверстие под заклепку, деревянное покрытие рукояти раскрашено в красный цвет
79/5, ск. 1	♂ (18—20)	кольцевое	прямое	—
79/5, ск. 2	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	—
80/6	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	—
80/7, ск. 1	♂ (20—25)	кольцевое	прямое	—
80/7, ск. 2	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	—
82/1	♂ (20)	кольцевое	прямое	Клинок фрагментирован
84/1, ск. 1	♀ (20—25)	кольцевое	прямое	—
84/2	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	—
88/1	♂ (ст. 30)	кольцевое	прямое	—
106/6	♂ (30—35)	кольцевое	прямое	—
107/1	♂ (16—18)	кольцевое	прямое	—
107/2	♂? (25—35)	кольцевое	прямое	—
113/3	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	—
115/5	♂ (30—35)	кольцевое	прямое	Кольцевое навершие в верхней части, с внутренней стороны имеет бугорок. Клинок был в ножнах, раскрашенных в красный цвет
116/7	♂ (18—20)	кольцевое	прямое	фрагментированный
119/2	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	—
128/3	♂ (35—40)	—	прямое	Верх рукояти не сохранился
129/8	♂ (25—30)	—	без	Штырь рукояти имеет заклепку
132/2	♂ (50—60)	кольцевое	прямое	Во фрагментах

ленные аналогии в контрольной группе. Такой тип меча является самым распространенным среди закрытых мужских комплексов (табл. 2). Таким образом, данное погребение женщины, по всем признакам, уверенно можно считать воинским. Следует отметить, что над мечем, в засыпи был найден нож, мы не можем исключать, что он также относился к оружию (Ильюков, Власкин 1992, с. 100).

Новый 92/2. В подпрямоугольной яме была похоронена женщина 25—30 лет. Следует отметить, что пол погребенной определен неуверенно (Батиева 2011, с. 100). У изголовья найдены наконечники стрел (31 шт.; Ильюков, Власкин 1992, рис. 28: 5, 6).

В контрольной группе, набор оружия, состоящий лишь из наконечников стрел, был зафиксирован всего для трех комплексов (26/2 — 3 экз.; 95/1 — 1 экз.; 74/2 — 57 экз.). Место фиксации в изголовье для мужской группе не популярно, однако несколько аналогий все же присутствуют (79/5, ск. 1 — 86 экз.; 80/7, ск. 2 — 90 экз.). Таким образом, по большинству признаков, данное погребение можно признать воинским.

Кроме оружия, возле женщин фиксировался рядовой инвентарь: ножи, лепные сосуды и др. мелкие предметы. Рассмотренные женские погребения, таким образом, принадлежали рядовому населению.

Итог. Воинскими уверенно были признаны 2 женских погребения из 23, что составляет 8,6 % от всего женского населения, попавшего в выборку, и 4,5 % от всех воинских погребений. Тогда как среди 41 мужчины воинами были 35, что составляет 85,3 %. Для данной группы процент женщин-воинов получился довольно высоким, но, безусловно, маркер агрессивности мужского населения значительно выше женского. Здесь следует признать, что уязвимым моментом методики является проблема качества самой контрольной группы. То есть, все ли мужские погребения, содержащие предметы вооружения, следует считать воинскими. В данной выборке ряд мужских погребений, из оружия содержали лишь один или несколько наконечников стрел. К примеру, в мужском погребении 26/2, которое не подвергалось ограблению два наконечника стрел были найдены в заполнении, третий лежал около левой кисти (Ильюков, Власкин 1992, с. 50). В мужском погребении 95/1 единственный наконечник стрелы был воткнут в дно могилы у правой голени (Ильюков, Власкин 1992, с. 112). Определить семантику оружия в таких случаях видится затруднительным. Такие комплексы к счастью единичны, поэтому рискну отнести их к числу спорных, и не учитывать в общих статистических подсчетах.

Важным наблюдением является тот факт, что в двух погребениях из трех женщины были похоронены с детьми младенческого возраста. Таким образом, нельзя исключать, что участие в военных действиях не закрывало от женщины возможности материнства. С другой стороны, невольно возникает предположение, не связано ли помещение оружия в женское погребение со смертью матери и ребенка. Тем более, что четыре женских захоронений с детьми содержащих оружие не попали в выборку из-за того, что были ограблены. Попробуем провести более углубленный анализ этих комплексов (17/1; 61/3; 75/1; 91/1; 74/4ю; 84/1). Так, возраст всех женщин был детородным от 18 до 35 лет. Но утверждать уверенно, что перед нами захоронение матери и ребенка мы сможем только после проведения генетического анализа на наличие родства. Кроме того из восьми детей, трое не были уже младенцами. Поэтому сомнительно связывать помещение оружия в женские могилы с детьми только в связи с младенческой смертностью, которая для многих народов считалась дурным знаком. Старший возраст детей, также не исключает возможности, что оружие могло быть поставлено для ребенка. Анализ таких случаев, показывает, что предложенная методика несколько ограничивает количественные показатели. Но с другой стороны, наглядно видно умозрительность всех возможных выводов при нарушении или ограблении комплекса.

Работоспособность методики была проверена на материалах сарматского культурно-исторического сообщества в диссертационном исследовании автора (Шевченко 2019).

Автор полностью осознает, что предложенное исследование не является последней истинной в вопросе семантики оружия в женских погребениях кочевников. Многие аспекты по-прежнему вызывают вопросы. Вполне возможно, что если современные исследователи и примут предложенную методику позитивно, то со временем, с появлением новых фактов, распространением генетических исследований, работа станет лишь историографическим звеном. И это вполне закономерный процесс в любой научной среде. Вопросы семантики оружия в женских погребениях, участие женщин в военных действиях являются крайне сложными и неоднозначными. Нужно понимать, что если исследование имеет гендерный характер, то практически невозможно полностью исключить личные предпочтения самого автора. Но при наличии универсальной методики, есть возможность обойти угрозу субъективного влияния. Универсальная методика позволит проводить качественный сравнительный анализ. Необходимо стараться избегать интуитивных выводов.

ЛИТЕРАТУРА

Алексин, В. А. 1986. *Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ*. Ленинград: Наука.

Батиева, Е. Ф. 2011. *Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. — IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование)*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.

Богаченко, Т. В., Максименко, В. Е. 2008. Погребения «женщин с оружием» эпохи раннего железного века на Дону (методологические аспекты проблемы изучения). *Нижевольтжский археологический вестник*, 9, с. 48-61.

Добролюбовский, А. О. 1980. О структуре объекта археологической науки. В: Станко, В. Н. (ред.). *Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя*. Киев: Наукова думка, с. 127-141.

Добролюбовский, А. О. 1982. О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Теория и методы археологических исследований*. Киев: Наукова думка, с. 54-68.

Ильюков, Л. С., Власкин, М. В. 1992. *Сарматы междуречья Сала и Маныча*. Ростов-на-Дону: РГУ.

Ильюков, Л. С., Лукьяшко, С. И. 1994. Новые памятники скифского времени на нижнем Дону. *Донские древности*, 2, с. 57-67.

Кадырбаев, М. К., Курманкулов, Ж. К. 1976. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек. В: Акишев, К. А. (ред.). *Прошлое Казахстана по археологическим источникам*. Алма-Ата: Наука, с. 137-156.

Лебедев, Г. С. 1973. Отражение социальной структуры в археологических материалах. В: Протасенко, З. М. (ред.). *Философия, история, современность*. Ленинград: Наука, с. 53-60.

Мышкин, В. Н. 2001. Воинский инвентарь в «савроматских» погребениях самаро-уральского региона. *Материалы по археологии Волго-Донских степей*, 1, с. 142-157.

Пшеничнюк, А. Х. 1983. *Культура ранних кочевников Южного Урала*. Москва: Наука.

Смирнов, К. Ф. 1964. *Савроматы. Ранняя история и культура сарматов*. Москва: Наука.

Стрижак, М. С. 2007. О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI — начале IV в. до н. э. В: *Материалы конференции «Проблемы сарматской археологии и истории. Вооружение сарматов региональная типология и хронология»*. Челябинск: ЮУрГУ, с. 71-75.

Федоров, В. К., Васильев, В. Н. 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье. *Уфимский археологический вестник*, 1, с. 62-96

Федоров, В. К. 2010. Ранние комплексы с мечами и кинжалами прохоровского типа на Южном Урале. *Нижевольтжский археологический вестник*, 11, с. 374-391.

Федоров, В. К. 2011. Среднесарматские погребения Самаро-Уральского региона с костяными ложечками. *Нижевольтжский археологический вестник*, 12, с. 76-93.

Цимиданов, В. В. 1995. Метод оценки отклонений от модели рядового погребения срубной культуры. В: *Тези доповідей на міжнародній науково-практичній конференції, присвяченій 140-річчю від дня народження Д. І. Яворницького та 90-літтю*

XIII Археологічного з'їзду. Дніпропетровськ: Пороги, с. 66-68.

Шевченко, О. Б. 2018. *Жіночі поховання зі зброєю у сарматів*. Дисертація к. і. н. ОНУ, Одеса.

Яценко, С. А., Вдовченко, Е. В. 2015. О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской Степи. *Исторические записки*, 1, с. 171-182.

REFERENCES

Alekshin, V. A. 1986. *Sotsialnaya struktura i pogrebalnyy obryad drevnezemel'delcheskikh obshchestv*. Leningrad: Nauka.

Batiyeva, E. F. 2011. *Naseleniye Nizhnego Dona v IX v. do n. e. — IV v. n. e. (paleoantropologicheskoye issledovaniye)*. Rostov-na-Donu: YuNTs RAN.

Bogachenko, T. V., Maksimenko, V. E. 2008. Pogrebeniya «zhenshchin s oruzhiyem» epokhi rannego zheleznoogo veka na Donu (metodologicheskiye aspekty problemy izucheniya). *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik*, 9, s. 48-61.

Dobrolyubskiy, A. O. 1980. O strukture obyektov arkheologicheskoy nauki. In: Stanko, V. N. (ed.). *Severo-Zapadnoye Prichernomorye v epokhu pervobytno-obshchinnogo stroya*. Kiev: Naukova dumka, s. 127-141.

Dobrolyubskiy, A. O. 1982. O printsipakh sotsiologicheskoy rekonstruktsii po dannym pogrebalnogo obryada. In: Gening, V. F. (ed.). *Teoriya i metody arkheologicheskikh issledovaniy*. Kiev: Naukova dumka, s. 54-68.

Ilyukov, L. S., Vlaskin, M. V. 1992. *Sarmaty mezhdurechya Saly i Manycha*. Rostov-na-Donu: RGU.

Ilyukov, L. S., Lukyashko, S. I. 1994. Novy'e pamyatniki skifskogo vremeni na nizhnem Donu. *Donskie drevnosti*, 2, s. 57-67.

Kadyrbaev, M. K., Kurmankulov, Zh. K. 1976. Zakhoro-neniye voinov sav-romatskogo vremeni na levoberezhie r. Ilek. In: Akishev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam*. Alma-Ata: Nauka, s. 137-156.

Lebedev, G. S. 1973. Otrazheniye sotsialnoi struktury v arkheologicheskikh materialakh. In: Protasenko, Z. M. (ed.). *Filosofiya, istoriya, sovremennost*. Leningrad: Nauka, s. 53-60.

Myshkin, V. N. 2001. Voinskii inventar v «savromatskikh» pogrebeniyakh samaro-uralskogo regiona. *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei*, 1, s. 142-157.

Pshenichniuk, A. Kh. 1983. *Kultura rannikh kochevnikov Iuzhnogo Urala*. Moskva: Nauka.

Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kultura sarmatov*. Moskva: Nauka.

Strizhak, M. S. 2007. O zhenskikh pogrebeniyakh s oruzhiem kochevnikov Priuralia i Povolzhia v VI — nachale IV v. do n. e. In: *Materialy konferentsii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii. Vooruzheniye sarmatov regionalnaia tipologiya i khronologiya»*. Cheliabinsk: IuUrGU, s. 71-75.

Fedorov, V. K., Vasilev, V. N. 1998. Iakovlevskie kurgany rannego zheleznoogo veka v Bashkirskom Zaurale. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, 1, s. 62-96

Fedorov, V. K. 2010. Rannie kompleksy s mechami i kinzhalami prokhorovskogo tipa na Iuzhnom Urale. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, 11, s. 374-391.

Fedorov, V. K. 2011. Srednesarmatskie pogrebeniia Samarо-Uralskogo regiona s kostyanyimi lozhechkami. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, 12, s. 76-93.

Tsimidanov, V. V. 1995. Metod otsenki otkloneniya ot modeli riadovogo pogrebeniia srubnoi kultury. In: *Tezy dopovidei na mizhnarodnii naukovo-praktychnii konferentsii, prysviachenii 140-richchiiu vid dnia narodzhennia D. I. Yavornytskoho ta 90-littiu XIII Arkheolohichnoho z'izdu*. Dnipropetrovsk: Porohy, s. 66-68.

Shevchenko, O. B. 2018. *Zhinochi pokhovannia zi zbroieiu u sarmativ*. Dysertatsiia k. i. n. ONU, Odessa.

Iatsenko, S. A., Vdovchenkov, E. V. 2015. O nekotorykh storonakh voennoi organizatsii drevnikh kochevnikov evropeiskoi Stepi. *Istoricheskie zapiski*, 1, s. 171-182.

E. B. Shevchenko

RESEARCH METHODS FOR THE WOMEN'S BURIES WITH WEAPONS ON THE EXAMPLE OF THE SARMATIAN BURIAL GROUND «NOVY»

The universal methodology for the study of nomadic female burials with weapons is proposed in the paper. The methodology is based on a comparative analysis of female burials containing weapons with the control group which are synchronous male burials of the corresponding burial ground. The comparative analysis is carried out according to the following criteria: the set of weapons, the type of each individual weapon, and also the place of fixation. If most of the signs coincide, then the female burial is recognized as military (utilitarian function). If deviations are predominantly detected, then the semantics of the weapon are recognized as ritual.

To demonstrate the operability of the technique, the large Sarmatian burial ground «Novy» on the Lower Don was selected. As a result, 2 out of 23 female burials were confidently recognized as military, which is 8.6 % of the total female population included in the sample, and 4.5 % of all military burials. Whereas among 44 men there were 35 soldiers, which is 85.3 %. For this group, the percentage of female warriors turned out to be quite high, but, of course, the marker of aggressiveness of the male population is significantly higher than the female. It should be recognized that the vulnerability of the methodology is the quality problem of the control group itself. That is, whether all male burials containing weapons should be considered military.

The important observation is the fact that in two of the three burials, women were buried with infants. Thus, it cannot be ruled out that participation in hostilities did not block the possibility of motherhood from a woman. On the other hand, the assumption involuntarily arises whether the placement of weapons in a female burial is connected with the death of her and her child. Moreover, four female burials with infants containing weapons did not fall into the sample due to the fact that they were robbed.

The author is fully aware that the proposed study is not the last true in the issue of the semantics of weapons in the female burials of nomads. Many aspects still raise questions. It is possible that if modern researchers will accept the proposed methodology positively, then over time, with the advent of new facts, the spread of genetic research, the work will become only a historiographic link. And this is a completely natural process in any scientific field. The issue of the semantics of weapons in female burials, the issue of the participation of women in hostilities is extremely complex and controversial. It must be understood that if the study is gender-based, it is almost impossible to completely exclude the personal preferences of the study itself. These are creative questions, but if there is a universal methodology, there is an opportunity to circumvent the threat of subjective influence. A universal technique will allow for a qualitative comparative analysis. It is necessary to completely withdraw from the intuitive level.

Keywords: women, weapons, Sarmatians, methods, control group, semantics, ritual, utilitarian.

О. Б. Шевченко

МЕТОДИКА ДОСЛІДЖЕННЯ ЖІНОЧИХ ПОХОВАНЬ ЗІ ЗБРОЄЮ НА ПРИКЛАДІ САРМАТСЬКОГО МОГИЛЬНИКА НОВИЙ

У статті пропонується універсальна методика дослідження жіночих поховань зі зброєю у кочівників. Методика ґрунтується на порівняльному аналізі жіночих поховань, що містять зброю з контрольною групою, в якості якої виступають синхронні чоловічі поховання відповідного могильника. Порівняльний аналіз проводиться за такими ознаками: набір зброї, тип кожного окремого предмета озброєння, а також місце фіксації. Якщо більшість ознак збігаються, то жіноче поховання визнається військовим (утилітарна функція). Якщо ж переважно виявляються відхилення, то семантика зброї визнається ритуальною.

Для демонстрації працездатності методики, був обраний великий сарматський могильник на Нижньому Дону Новий. В результаті дослідження військовими впевнено були визнані 2 жіночих поховання з 23, що становить 8,6 % від усього жіночого населення, яка попала у вибірку, і 4,5 % від усіх військових поховань. Тоді як серед 41 чоловіка воїнами були 35, що становить 85,3 %. Для даної групи відсоток жінок-воїнів вийшов досить високим, але, безумовно, маркер агресивності чоловічого населення значно вище жіночого. Тут слід визнати, що вразливим моментом методики є проблема якості самої контрольної групи. Тобто, чи всі чоловічі поховання, що містять предмети озброєння, слід вважати військовими.

Важливим спостереженням є той факт, що в двох похованнях з трьох жінки були поховані з дітьми віку немовля. Таким чином, не можна виключати, що участь у військових діях не закривало від жінки можливість материнства. З іншого боку, мимоволі виникає припущення, чи не пов'язано покладення зброї в жіноче поховання зі смертю матері та дитини. Тим більше, що чотири жіночих поховань з немовлятами, що містять зброю не потрапили у вибірку через те, що були пограбовані.

Автор повністю усвідомлює, що запропоноване дослідження не є останньою істинною в питанні семантики зброї в жіночих похованнях кочівників. Багато аспектів як і раніше викликають питання. Цілком можливо, що якщо сучасні дослідники і приймуть запропоновану методику позитивно, то з часом, з появою нових фактів, поширенням генетичних досліджень робота стане лише історіографічним ланкою. І це цілком закономірний процес в будь-якому науковому середовищі. Питання семантики зброї в жіночих похованнях, участі жінок у військових діях є вкрай складними і неоднозначними. Потрібно розуміти, що якщо дослідження має гендерний характер, то практично неможливо повністю виключити особисті переваги самого автора. Але при наявності універсальної методики, є можливість обійти загрозу суб'єктивного впливу. Універсальна методика дозволить проводити якісний порівняльний аналіз. Необхідно намагатися уникати інтуїтивних висновків.

Ключові слова: жінки, зброя, сармати, методика, контрольна група, семантика, ритуальна, утилітарна.

Одержано 10.05.2020

ШЕВЧЕНКО Олена Борисівна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Одеський археологічний музей НАН України, Ланжеронівська, 4, Одеса, 65000, Україна.

SHEVCHENKO Olena B., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine, Lanzheronivska, 4, Odesa, 65000, Ukraine.

ORCID: 0000-0003-3864-7638; e-mail: medeya.81@gmail.com.